

ным «совпадением» с музыкой. <...> Мне посчастливилось сотрудничать с известными балетмейстерами, подчас очень непохожими друг на друга. Общение с ними оставило яркий след в моей памяти и во многом определило направленность художественных поисков, причем не только в области балетного творчества» (Петров А. Время. Музыка. Музыканты. Л., 1987. С. 93–94).

Образность музыки Петрова диктует хореографические решения. В музыкальных характеристиках Бога, ангелов, юного Адама словно оживает искусство барокко, французских мастеров XVII – XVIII столетий — в современных авангардных «одеждах». Музыкальная драматургия четко отделяет героев божественного и дьявольского мира друг от друга. Черт обрисован в духе веселой буффонады. При появлении Чертовки усиливаются джазовые интонации, звучание ударных инструментов и саксофона. Вариации Адама частично стилизованы в манере Классической симфонии Прокофьева. В замечательном Адажио Адама и Евы — здесь вершина лирической линии балета — звучит дуэт альтовой флейты с виолончелью и струнная группа. Широко распетая лирическая мелодия с чистыми, немного тревожными интонациями олицетворяет юные мечты, любовь счастливую — и отчасти грустную...

Финал балета решен как торжество человека, победившего все препятствия на пути к счастью. В конце спектакля нет привычной точки. Он заканчивается движением — движением жизни, человечества навстречу будущему.

Так незамысловатая, на первый взгляд, шутка постепенно превращается в серьезную философскую притчу. «Сотворение мира» воспринимается легко, оставаясь в то же время произведением масштабным по замыслу. Библейская легенда, издавна привлекавшая художников разных народов и времен, нашла свое отражение в балетном жанре. И вот спустя 34 года «Сотворение мира» переживает второе рождение. Конечно, грустно, что нет Адама — Барышникова, Бога — Соловьева, Евы — Колпаковой. Но жизнь талантливого музыкально-хореографического творчества продолжается. «Рекордсмен хореографического искусства XX века», поставленный более чем в шестидесяти театрах мира, балет «Сотворение мира» занесен в книгу рекордов Гиннеса. На протяжении вот уже четверти века спектакль вызывает на лицах зрителей добрую, искреннюю улыбку.

А.З. Харьковский

Господин Десятников

Возможно, самым неожиданным событием осени стал фестиваль Леонида Десятникова. Неожиданность его — не в факте проведения (хотя где аналогии — на пятидесятилетие-то? да в двух городах!), не в отдельно взятых сочинениях (хотя знакомая музыка по-прежнему свежа), а в общей нон-официозности и молодом задоре (несмотря на присутствие Большого театра, а в чем-то даже и благодаря ему). Оказывается, такое еще бывает.

В прессе много писали о постмодернизме Десятникова. Они — постмодернизм и Десятников — буквально близнецы-братья. Ирония, мол, и где-то даже гротеск. Щемящая трогательность оттеняла игровое начало. Или наоборот. И все это творит «элегантный петербуржец», «выделяющийся из композиторской среды своей начитанностью».

Это, видимо, в «Свинцовом эхо» трогательность, с его утробной скорбью, животным воем отчаяния. Наверно, это в песне Мусоргского о трех псах из «Детей Розенталя» — элегантность...

Автору сих строк довелось именно в дни фестиваля переслушать не исполнявшиеся на нем ранние вокальные опусы Десятникова, 21-летнего тогда «классика». Самое удивительное в них — трепет отдельно взятого звука. Отдельно взятой линии. Трепет неправильности, обрацаемый в прожитость чувства (например, неправильности речевой — в русских песнях на стихи Рильке, то есть на стихи, сочиненные немецким поэтом по-русски).

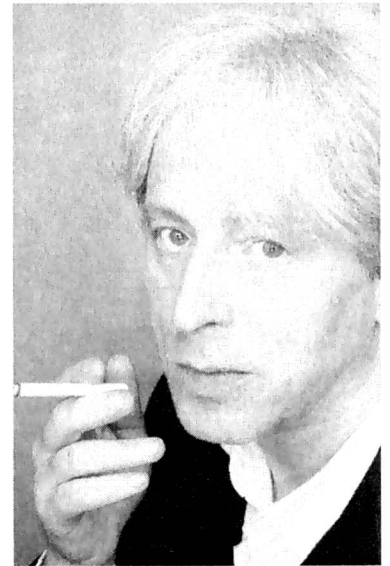
И мысль посетила голову автора настоящих строк. Увы, банальная, но все же. Видимо, слово «постмодерн» имеет два смысла. Две цели, скажем так. В одном смысле — это просто метод. Механика отношений творца и материала. Ситуация, положение окружающих вещей. Воздух, в конце концов, которым приходится волей-неволей дышать. Классицизм, романтизм или авангард — такие методы-механики-воздухи.

А есть второй смысл. Если сформулировать его культурно, то это прозвучит примерно так: «Было богово — стало кесарево». Если некультурно: есть удивительные люди, один примерно на тысячу, которые, потребляя что-то хорошее, выдают чудесным образом также годное к употреблению. Через постмодерн, или импрессионизм, или веризм — неважно. Они «творцы», так раньше их называли. Именно в смысле чуда, со-творчества с неведомой силой. Так-так, говорю я, а остальным 999, что же, уж и искусством заняться нельзя? Некорректно, говорим мы, 999. Неравенство. Имеем право. Вот «имеем право», — это второй смысл.

А дальше под ручку берем того, у которого и трепет, и скорби вой, и жизнь и слезы и любовь, — ага, милый, а ирония-то и цитатничество у тебя нашенькие, не отвертись. Вот и на капустник сбиваешься в Большом театре, попался? Наш, наш, еще раз — запомни: наш, голубчик!

Беда в том, что он по-прежнему изготавливает нечто ироническое, с цитатами, а то и минималистское, — но (черт знает, как это у него получается) иногда оно же вдруг — пронзительно-сентиментальное или коряво-истовое. То есть годное к дальнейшему музыкальному употреблению.

А так — очень элегантный господин с удивительно правильной речью. И шляпа такая у меня есть.

Л. Десятников